

Джураева Мунис Юнусовна

СЛЕДЫ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ТАБУ В УЗБЕКСКИХ НАРОДНЫХ ЗАГАДКАХ

В статье прослеживается история происхождения узбекских народных загадок, и рассматриваются некоторые вопросы, связанные с их генетическими корнями. Автор на основе сравнительно-исторического анализа доказывает, что в формировании поэтического контекста загадки огромную роль сыграли древние мифологические представления и ритуально-магические обряды.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2010/3/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2010. № 3 (7). С. 46-49. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2010/3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Таким образом, в деловом языке второй половины XVIII в. для выражения причинных отношений в сложноподчиненном предложении существовал целый ряд причинных союзов. Преобладают союзы русского происхождения *какъ*, *потому что*, *что*, *ибо* и др. Употребление старославянских союзов *поелику*, *понеже* нехарактерно для языка местных документов и ограничено стилистически. В отличие от книжно-литературного языка второй половины XVIII века, в деловом языке наиболее употребительным причинным союзом был союз *какъ*, придаточное с которым гораздо более подвижно внутри сложного предложения.

Список литературы

1. Барабанова Л. П. Град Тоболеск. Свердловск, 1986. 180 с.
2. Глинкина Л. А. Лингвокраеведение и его основные источники // Русский язык: исторические судьбы и современность: труды и материалы II Международного конгресса исследователей русского языка. М.: МГУ, 2004. С. 82-83.
3. Потегня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. I-II. 520 с.

**FUNCTIONING OF CONJUNCTIONS IN THE SENTENCES WITH SUBORDINATE CLAUSE OF REASON
IN TOBOLSK WRITTEN LANGUAGE RECORDS OF THE SECOND HALF OF THE XVIIITH CENTURY**

Margarita Stepanovna Vyhrystuk, Doctor in Linguistics, Associate Professor

*Department of the Russian Language and Language Teaching Methods
Tobolsk State Social Pedagogical Academy
margaritavv@mail.ru*

The consideration of some questions concerning the formation of the grammar system of the Russian language within the territory of Siber which is far from the center of the country is new and perspective. The article reveals the functioning of conjunctions of reason in business language of the XVIIIth century.

Key words and phrases: business language of the XVIIIth century; Tobolsk written language records; compound sentence; subordinate clause of reason; subordinate conjunctions; conjunctions of reason.

УДК 82-193.1

В статье прослеживается история происхождения узбекских народных загадок, и рассматриваются некоторые вопросы, связанные с их генетическими корнями. Автор на основе сравнительно-исторического анализа доказывает, что в формировании поэтического контекста загадки огромную роль сыграли древние мифологические представления и ритуально-магические обряды.

Ключевые слова и фразы: загадка; мифология; табу; узбекский фольклор; жанр; метафора; тотемизм; культ; обряд; генезис; магия слов; поэтическая структура.

Мунис Юнусовна Джураева

Отдел фольклора

*Институт языка и литературы им. Алишера Навои Академии наук Республики Узбекистан
sharik89@mail.ru*

**СЛЕДЫ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ТАБУ
В УЗБЕКСКИХ НАРОДНЫХ ЗАГАДКАХ©**

Как известно, загадка является широко распространенным и в то же время самым древним паремиологическим жанром узбекского фольклора, принадлежащим диалогическому типу. И хотя узбекская фольклористика располагает немалым опытом в сборе, архивизации, издании и научно-филологическом анализе загадки [1; 2, с. 47-49; 8; 9; 10, б. 138-168], тем не менее, специальных исследований, посвященных изучению генезиса этого жанра, до сих пор не проводилось. Генетические истоки и исторические основы загадки теснейшим образом связаны с архаическими ритуалами, мифологическими представлениями, магией слова, явлениями языкового табу и тайных языков. Большинство исследователей при определении генезиса загадки единодушны в мнении, что фольклорные материалы, относящиеся к этому жанру, непосредственно связаны с табуированной традицией слова.

Происхождение загадок тесно «связано с условной, тайной речью, к которой человек прибегал, не желая давать настоящие названия животным, предметам, явлениям. Люди боялись называть какое-либо существо, чтобы не накликал беды; например, избегали произносить названия болезней, волка, черта, змеи и т.д. Охотник, боясь неудачи, окружал свое занятие тайной, не говорил, куда он отправляется на охоту, на какого зверя, не называл охотничьих орудий. Охотнику, уходящему на промысел, не следовало задавать вопрос: «Куда идешь?» Ответ на этот вопрос означал бы раскрытие тайны. Когда вопрос был задан, охотник возвращался домой, бранился или шутливо отвечал: «На кудыкину гору журавлей пугать» [1, с. 130].

Поэтому сибирские крестьяне «чтобы не навлечь на себя беды и по забывчивости не сказать дурного слова о медведе, избегали употребления самого слова «медведь», называя его в иных местах «дедушка», например, у русских колымчан, в других - «зверем», «хозяином», иногда называли его «он», «черный зверь»» [4, с. 81]. Следовательно, можно констатировать, что жанр загадки сложился в результате языковой идентификации мифопоэтической картины мира и номинации определенного процесса либо предмета, т.е. не на основе апелятивных онимов, а через метафорические обозначения их особенностей и характеристики.

Реальность и ирреальность объекта, олицетворенного в узбекских народных загадках, считается одной из их своеобразных особенностей. Вместе с тем, хотя набор объектов, служивших основой для формирования новых структурных типов загадки, постоянно трансформировался. Вследствие этого некоторые фольклорные материалы, относящиеся к этому жанру на всем протяжении периода развития историко-фольклорного процесса, преобразовались в многослойный, многокомпонентный художественный текст с полиморфным семантическим толкованием. Среди узбеков бытуют некоторые загадки, основные элементы композиционной структуры которых отражают в себе многовековую историю художественного мышления народов Средней Азии. Историко-фольклорный процесс наложил большой отпечаток на содержательное наполнение многокомпонентных загадок, т.е. каждый элемент таких загадок с полиморфной структурой сформировался на определенном этапе поэтической эволюции этого жанра. Подобные загадки в действительности сложились в виде отдельных семантических компонентов и в процессе исторического развития узбекского фольклора со временем превратились в целостную художественную структуру. В данной статье мы попытаемся изложить некоторые результаты научного анализа, раскрывающего историю появления и генезиса одной из узбекских народных загадок.

В 1958 г. в исполнении известного сказочника Абдурахмана Алиева, проживавшего в селе Терсак Ургутского района Самаркандской области, фольклористом З. Хусаиновой была записана следующая загадка:

*Tog'da talaymonni ko'rdim,
Suvda sulaymonni ko'rdim,
Yumalab yotgan toshni ko'rdim,
Tuzsiz pishgan oshni ko'rdim* [14, б. 175].

На горе я увидел кусачего,
В воде увидел плавающего,
Увидел я лежащий камень,
Увидел блюдо, приготовленное без соли (*перевод автора*).

Известно, что в загадках с единой семантической структурой объекты метафоризации и масштабы сравнительного изображения, аккумулированные в композиционных элементах, характеризуются многокомпонентностью.

Приведенный пример констатирует тот факт, что отгадка данной загадки таится в четырех объектах. Это волк, рыба, черепаха и сумалак (ритуальное блюдо праздника Навруз).

Генетические истоки данной загадки восходят к архаическим мифологическим представлениям древних тюрков и их воззрениям. В частности, первый компонент поэтической структуры этой загадки «*Tog'da talaymonni ko'rdim*» (На горе я увидел кусачего) сформировался на основе тотемистических верований, служивших составной частью архаической мифологии наших далеких предков. Скрытое присутствие в данной части загадки слова-отгадки «bo'gi» (волк) не случайно, так как по архаическим представлениям древнетюркских племен волк считался тотемным предком и был объектом почитания. Этот зверь считался родоначальником племени Ашина. Поверья и приметы, связанные с волком, сохранились и в узбекском фольклоре. Так, например, известный тюрколог Л. П. Потапов, побывавший в 1929 г. в составе фольклорно-этнографической экспедиции Узбекского научно-исследовательского института в Самаркандской, Кашкардарьинской и Сурхандарьинской областях сделал очень много записей легенд и поверий о волке [6, с. 135-142].

Лексема «*talaymon*», использованная в тексте исследуемой загадки, также непосредственно связана с тотемистическими верованиями. В частности, в словаре известного лексикографа XI в. Махмуд Кашгари «Дивани лугатит турк» слово «*to'larsaq*» толкуется как «следы животных» [13, б. 461]. На наш взгляд, этимологическая основа лексемы «*talaymon*» непосредственно связана со словом «*to'larsaq*», так как в структуре обеих лексем имеется этимон-корень «*tal*», широко использовавшийся в языке древнетюркских племен в значении «след» или «следы животных».

Одна из первых исследователей узбекских народных загадок З. Хусаинова пишет, что «первая строка данной загадки посвящена волку, для передачи характера объекта сравнения использовано слово «*talaymon*». Слово «*talaymon*» образовано от глагола «*talamoq*» (кусать) - *tala* + *y* + *moq*» [12, б. 22].

По нашему мнению, использованная в данном контексте лексема «*talaymon*» с историко-этимологической точки зрения не имеет отношения к глаголу «*talamoq*». Она является лексической единицей, связанной с тотемистическими верованиями. По древним представлениям, след человека или животного наделен особым магическим значением. Это объясняется тем, что след тотемного покровителя подразумевался как сам почитаемый объект. В воображении древнего человека встреча с тотемом, в том числе с волком, интерпретировалась как символ счастья и благополучия. В силу этого, след волка считался знаком большой удачи, олицетворяющим добро и благополучие. Если утверждать, что лексема «*talaymon*» образована от глагола «*talamoq*», тогда будет очень затруднительным дать толкование значения следующей загадки, отгадка которой непосредственно связана с животным миром (куропатка, рыба, змея и кошка) и названиями некоторых предметов (сумалак, грецкий орех):

Bog'da talaymonni ko'rdim,
Suvda sulaymonni ko'rdim,
Yo'lda xo'ja kalni ko'rdim,
Tuzsiz pishgan oshni ko'rdim,
Qaynab bitgan toshni ko'rdim [14, б. 176].

В саду я увидел кусачего,
 В воде увидел плавающего,
 По дороге я увидел лысого человека,
 Увидел блюдо, приготовленное без соли,
 Увидел я затвердевший камень (*перевод автора*).

Семантический анализ этой загадки дает основание полагать, что лексема «*talaymon*» в данном художественном контексте означает куропатку, служащую объектом уподобления в тропе. Если в поэтическом тексте загадки это слово используется для выражения своеобразных, характерных особенностей субъекта уподобления, тогда становится ясно, что понятие «*talamoq*» совсем не соответствует природе куропатки. Наоборот, если этимологическую основу слова «*talaymon*» интерпретировать в контексте лексического материала, связанного с магией следа («след куропатки»), то становится очевидным метафорическое значение данного компонента загадки.

Отгадкой второго компонента художественной структуры анализируемой загадки «*Suvda sulaymonni ko'rdim*» («В воде увидел плавающего») является «рыба». По интерпретации некоторых исследователей в данном случае слово «*sulaymon*» имеет опосредованное отношение к пророку Сулаймону (Соломон) - сыну Давида. Если учесть, что пророк Сулаймон признан как самый мудрый человек, то лексема «*sulaymon*» в загадке будет трактоваться как «мудрая рыба», т.е. в данном контексте речь идет об умной рыбе. На наш взгляд, лексема «*sulaymon*», использованная в этой загадке, не причастна к личности и столь широко распространенного в литературной традиции образа пророка Сулеймана (Соломона). Например, в хорезмском диалекте узбекского языка зафиксировано слово «*si:la*», которое обозначает вид рыбы весом около полукилограмма [10, б. 117]. Этимологической основой слова «*sulaymon*», встречавшегося в тексте исследуемой загадки, является корень «*si:la*». Таким образом, данная лексема сформирована как «*si:la/su:la*» + «*-mon*» (словообразующий аффикс) → «*sulaymon*» и употреблялась в значении «рыба».

В третьей строке загадки «*Yumalab yotgan toshni ko'rdim*» речь идет о черепахе. Как известно, верхняя и нижняя части черепахи покрыты твердым панцирем, а само животное издали похоже на камень. Метафоризация образа черепахи в загадках обуславливается наличием в фольклоре тюркоязычных народов древних мифических представлений и сюжетов. Среди узбеков распространена своеобразная легенда о происхождении черепахи: она гласит о том, что когда-то черепаха была человеком и работала весовщиком, который всегда обвесом обманывал честных людей и за этот грех был превращен в животное. Причем одна чашка весов приклеилась к животу, а вторая к спине.

Как свидетельствуют научные результаты изысканий Л. И. Ремпеля, в раннеземледельческих культурах Средней Азии культ черепахи непосредственно был связан с обрядом вызывания дождя и стихией природы [7, с. 37]. По мифологическим представлениям древних земледельцев причиной засухи являлась космическая черепаха, которая время от времени выпивала всю воду на земле [3, с. 92-99]. В связи с этим в обрядах вызывания дождя исполнялись специальные ритуалы, направленные на истязание черепахи.

В последней строчке анализируемой загадки «*Tuzsiz pishgan oshni ko'rdim*» (Увидел блюдо, приготовленное без соли) дается характеристика ритуального кушанья - сумалака. Как известно, изготовление сумалака на празднике весеннего равноденствия - Навруз является древней традицией узбеков, казахов, кыргызов, туркмен, таджиков, уйгуров, каракалпаков и т.д. С приготовлением этого древнего традиционного блюда связаны разные магические ритуалы, обычаи и поверья.

Например, среди узбеков Хорезмского оазиса бытует поверье, что «*sumalak* - это священная еда Биби Фотимы» (культ святой Биби Фотимы, олицетворяющей в себе антропоморфный облик исламизированного образа богини-матери и символ плодородия, широко распространен в Средней Азии). Обычно сумалак готовят весной - во время празднования Навруза. По традиции, перед началом приготовления сумалака очаг окуривают дымом «*isiriq*» (гармала) и на масле жарят специальное ритуальное мучное блюдо «богурсак» (для его изготовления соль не употребляется). Этот обычай называется «*ic shiqarmoq*» («выделяет запах»). Таким образом, угощаются духи-покровители семейного очага. Считается, что сама Биби Фотима будет покровительствовать женщинам, приготавливающим сумалак. На рассвете, когда глаза уставших женщин слипаются под действием желания уснуть, Биби Фотима собственноручно солит сумалак. Говорят, поэтому при приготовлении сумалака не принято его солить [4, с. 394; 14, б. 75].

Подобные загадки про сумалак имеются в фольклоре и у других народов Средней Азии. Примечательно, что в других вариантах этой загадки, зафиксированных в узбекском фольклоре, отчетливо выделяется одна деталь, непосредственно относящаяся в традиции приготовления сумалака и косвенно указывающая на отгадки:

*Qaynab turgan oshni ko'rdim,
Dumalab turgan toshni ko'rdim* [14, б. 175].

Увидел я кипящую еду,
Увидел я качающий камень (*перевод автора*).

Словом-отгадкой второй строчки этой загадки, состоящей из двух компонентов, является «камень», который кладут на самый низ котла, чтобы сумалак при длительном приготовлении не пригорел.

Подводя итоги, можно констатировать, что отраженные в узбекских народных загадках отголоски мифологических представлений, табу слов и архаические элементы ритуально-обрядовых традиций доказывают неоспоримую истину: что генетические корни и истоки этого фольклорного жанра непосредственно связаны с формированием и развитием мифопоэтической мысли далеких предков.

Список литературы

1. Баранов С. Ф. Русское народное поэтическое творчество. М., 1962.
2. Дружинин В. Материалы по фольклору узбеков // Сборник научного кружка при Восточном факультете САГУ. Ташкент, 1928. Вып. I.
3. Евсюков В. В. Мифология китайского неолита. Новосибирск: Наука, 1988.
4. Задыхина К. А. Узбеки дельты Аму-Дарьи // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции. 1945-1948 гг. М.: Наука, 1952. Т. 1.
5. Попов А. М., Виноградов Г. С. Медведь в воззрениях русского старожилового населения Сибири // Этнография. М., 1936. № 3.
6. Потапов Л. П. Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. 30.
7. Ремпель Л. И. Цепь времен. Вековые образы в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент: Изд-во литературы и искусства, 1987.
8. Саитбаева М. Н. Именное сказуемое в узбекских народных загадках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1984.
9. Хусайнова З. Основные особенности и источники узбекских народных загадок: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1967.
10. Абдуллаев Ф. Хоразм шевалари. Тошкент: Фан, 1961. Т. 1.
11. Жўраев М. Ўзбек мавсумий маросим фольклори. Тошкент: Фан, 2008.
12. Қиличев Т. Хоразм халқ театри. Тошкент: Адабиёт ва санъат нашриёти, 1988.
13. Кошғарий Маҳмуд. Девону луғотит турк: уч. томлик. Тошкент: Фан, 1960. Т. 1.
14. Топишмоқлар. Ўзбек халқ ижоди. Кўп томлик / нашрга тайёрловчи З. Хусайнова. Тошкент: Адабиёт ва санъат нашриёти, 1981.

MARKS OF MYTHOLOGICAL BELIEFS AND TABOO IN UZBEK FOLK RIDDLES

Munis Yunusovna Djuraeva

Department of Folklore
Institute of Language and Literature of Academy of Sciences, Uzbekistan
sherik89@mail.ru

The history of the origin of Uzbek folk riddles is tracked down. Some questions concerning their genetic backgrounds are considered in the article. Basing on the comparative-historical analysis the author proves that ancient mythological beliefs and ceremonial-magic rituals played great role in the formation of poetic context of a riddle.

Key words and phrases: riddle; mythology; taboo; Uzbek folklore; genre; metaphor; totemism; cult; ritual; genesis; magic of words; poetic structure.